

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ 20-х гг.

До сих пор наши лекции были посвящены характеристике положения в основных странах Европы и Америки в течение первого послевоенного пятилетия, периода 1918-1923 гг. Мы видели, что это был период глубокого политического кризиса, охватившего все страны мира. В основе этой кризисной ситуации лежал глубокий кризис всей традиционной структуры капитализма, необходимость его приспособления к потребностям общественного развития, стремление к кардинальному реформированию капитализма, к внедрению в его структуру социального фактора либо даже стремление к замене капитализма новым устройством общества на социалистических началах.

Особой остроты кризис достиг в 1918-1920 гг., когда в странах, особо пострадавших в результате первой мировой войны и отличавшихся особо большим объемом нерешенных демократических задач, развернулось сильное революционное движение. Но и в других странах, даже в тех, которые выиграли в итоге войны, а к тому же уже давно стали классическими странами буржуазно-парламентской демократии, - Англии, Франции, США - в эти годы сложилась обстановка политического кризиса, социальной нестабильности, массовых народных движений за решительное реформирование общества.

С начала 20-х гг., как мы отмечали уже на прошлой лекции, началось постепенное ослабление революционного движения, были предприняты попытки выхода из обстановки политического кризиса. Ситуация осложнилась наступлением очередного экономического кризиса перепроизводства. Начавшись летом 1920 г., он охватил как раз крупнейшие страны капитализма - США, Англию и Францию - и достиг наибольшей глубины в 1921 г. От последствий этого кризиса страны капитализма смогли оправиться только в 1922-1924 гг.

Именно с этого времени, с 1924 г., основные страны капитализма вступили в новый период капиталистической стабилизации 20-х годов. Этот второй этап в истории стран Европы и Америки в первый период новейшей истории охватил очередные пять лет - 1924-1929 гг. В марксистской историографии этот этап характеризовался как период временной частичной стабилизации капитализма.

Традиционно советские историки таким образом оценивали этот период. Признавалось, что к 1924 г. основные страны капитализма преодолели последствия войны и вызванной ею хозяйственной разрухи, а также последствия экономического кризиса 1920-1921 гг. Падение промышленного производства, характерное для первых послевоенных лет, сменилось промышленным подъемом. К этому же времени буржуазии удалось отбить

первый революционный натиск масс и добиться некоторой стабилизации в социальной сфере, укрепления власти буржуазии и ослабления классовой борьбы.

Однако в то же время советская историография делала основной упор на то, что стабилизация в экономической и социально-политической сферах жизни капиталистического общества проходила в условиях общего кризиса капитализма, в обстановке его общего упадка и ослабления, характерного для эпохи монополистического капитализма. Поэтому капиталистическая стабилизация 1924-1929 гг. оценивалась как временная, частичная, непрочная, гнилая, относительная и т. д. Утверждалось, что ее развитие неизбежно влекло за собой обострение всех противоречий капитализма, создание условий для нового, еще более сильного экономического кризиса, а значит, и для нового обострения социально-классовых противоречий и классовой борьбы. В рамках капиталистического способа производства, следовал вывод, добиться сколько-нибудь существенного разрешения всех этих противоречий невозможно.

Верна ли эта картина? Верно ли то, что в годы стабилизации в развитии капиталистического общества преобладали черты ограниченности, непрочности, а то и черты упадка и загнивания? Если это так, то можно ли вообще говорить о стабилизации? С другой стороны, если в развитии капитализма в 1924-1929 гг. наблюдались черты, говорившие о достаточно прочной стабилизации, то верна ли формула “временная, частичная стабилизация капитализма?”

Наконец, была ли капиталистическая стабилизация 20-х гг. результатом действия временных, в какой-то мере случайных факторов или, напротив, она была закономерным явлением, базировавшимся на твердой, объективной, материальной основе? Была ли она фазой в поступательном развитии капитализма?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, надо проанализировать основные черты экономического, социального и политического развития важнейших стран капитализма в период стабилизации 20-х гг. Это и будет темой нашей нынешней лекции.

* * *

Первой характерной чертой капиталистической стабилизации 20-х гг. явился сильный рост промышленного производства. При среднем уровне довоенного 1913 г., взятом за 100, индекс общего объема промышленного производства всех стран капиталистического мира в 1929 г. составил 147 %, т. е. увеличился по сравнению с довоенным уровнем почти в 1,5 раза.

Промышленный подъем, переживаемый в 1924-1929 гг., характерная для тех лет фаза циклического подъема экономики были присущи практически всем капиталистическим странам. Однако масштабы этого подъема

в разных странах были весьма различными. Они зависели от конкретной ситуации, сложившейся тогда в той или иной стране.

Наиболее сильным рост промышленного производства в период стабилизации 20-х гг. был в Соединенных Штатах Америки.

Прежде всего, промышленный подъем в США начался раньше, чем в странах Европы. Экономический кризис и его последствия были преодолены в Америке не в 1924 г., как в основных европейских странах, а уже к концу 1922 г. Индекс общего объема промышленного производства США, упавший в 1921 г. до 78% уровня докризисного 1919 г., уже в 1922 г. не только достиг этого уровня, но и превысил его, составив в целом за 1922 г. 103% уровня 1919 г. С 1923 г. начался быстрый рост ежегодного индекса промышленного производства США: в 1923 г. он составил 119% докризисного уровня, а далее продолжал быстро расти с двумя небольшими спадами в 1924 и 1927 гг. вплоть до конца 20-х гг., достигнув в 1929 г. 153% докризисного уровня. По отношению к довоенному 1913 г. индекс промышленного производства США составил 172%.

Почему для Соединенных Штатов в 20-х гг. был характерен столь сильный рост промышленного производства?

Это объяснялось новым сильным выдвиганием США в мировой капиталистической системе, громадным обогащением американского корпоративного капитала в годы первой мировой войны. В период стабилизации 20-х гг. американские корпорации продолжали получать гигантские прибыли: за 1923-1929 гг. их чистые прибыли (после уплаты налогов) составили около 50 млрд дол., т. е. были в 1,5 раза больше, чем за годы первой мировой войны.

Немалую роль сыграло и изменение международного финансового статуса США, их превращение из должника в одного из основных кредиторов. Особенно быстро росли в 20-х гг. частные инвестиции американских корпораций за границей. В 1929 г. они составили 16,5 млрд дол., а ежегодный доход от зарубежных инвестиций достиг 850 млн дол.

За счет громадных прибылей монополий происходило массовое обновление основного капитала. За 1924-1928 гг. в переоборудование американской промышленности было вложено по меньшей мере 10 млрд дол. Это и была материальная основа сильного подъема промышленного производства США в период стабилизации 20-х гг.

В результате очевидных преимуществ экономической ситуации в США на основе громадных финансовых ресурсов американских корпораций произошло новое значительное увеличение удельного веса Соединенных Штатов в мировой экономике. В 1929 г. они давали 48% промышленного производства всех стран мира. Они производили тогда на 10% больше, чем Англия, Франция, Германия, Италия и Япония, вместе взятые.

Однако промышленный подъем в период капиталистической стабилизации 20-х гг. был характерен не только для США. В меньших, но все же

довольно значительных масштабах он был характерен и для ряда других стран.

Так, например, весьма значительными эти масштабы были во Франции. Несмотря на сильные разрушения в северо-восточных районах Франции в годы войны и экономический кризис 1920-1921 гг., уже к 1924 г. был восстановлен, а затем и превышен довоенный уровень промышленного производства. В 1929 г. он был на 40% выше довоенного.

Это опять-таки объяснялось рядом благоприятных условий, характерных тогда для Франции. Так, по условиям Версальского мирного договора ей были возвращены высокоиндустриальные районы Эльзаса и Лотарингии. Немалую роль сыграли крупные государственные ассигнования на восстановление разрушенных войной северо-восточных департаментов страны. Наконец, в течение всего периода 20-х гг. Франция получала крупные суммы репарационных платежей: до 1929 г. она получила в виде репараций 8 млрд золотых марок.

В 1924-1929 гг. проходило быстрое восстановление экономического потенциала Германии. Это было резким контрастом сильнейшей хозяйственной разрухе и глубокому финансовому кризису, характерному для Германии в первые послевоенные годы и достигшему небывалой глубины в 1923 г., в ходе очередного репарационного кризиса. Отказ Германии платить репарации привел в январе 1923 г. к франко-бельгийской оккупации Рурской области, основного индустриального района Германии. "Рурский кризис" 1923 г. вызвал катастрофическое падение промышленного производства Германии (не менее чем вдвое) и гигантские масштабы инфляции: в сентябре 1923 г. 1 дол. соответствовал 1 млрд марок. Это означало фактически крах финансово-экономической системы страны.

Однако с 1924 г. началось быстрое восстановление экономики Германии. Этому способствовали новые крупные займы, которые были предоставлены ей Соединенными Штатами и Англией, а также некоторое сокращение размера ежегодных репарационных платежей Германии по принятому летом 1924 г. новому репарационному "плану Дауэса". Примерно к 1927 г. довоенный уровень промышленного производства Германии был восстановлен, а к концу 20-х гг. превышен. Если в 1923 г. индекс промышленного производства Германии составил только 47% уровня 1913 г., то в 1929 г. он поднялся до 103% этого уровня. Германия вновь стала выходить на второе место в мире после Соединенных Штатов по уровню экономического развития.

Достаточно быстро шло в 20-е гг. экономическое развитие таких стран, как Италия, Бельгия, Голландия, Швеция и некоторые другие развитые индустриальные страны.

Особая ситуация сложилась в 20-е гг. в Англии. Положению в этой стране мы посвятим специальную лекцию. Сейчас же лишь отметим, что наметившийся на рубеже XIX и XX вв. экономический упадок Англии, утрата ею былой промышленной, торговой, а затем и финансовой монопо-

ли обусловили преобладание низких темпов промышленного развития. К 1929 г. в Англии был лишь восстановлен довоенный уровень промышленного производства. Но все же и в Англии период 1924-1929 гг. был фазой циклического экономического подъема.

Таким образом, промышленный подъем, рост промышленного производства в 1924-1929 гг. был общемировым феноменом. Конкретная ситуация в той или иной стране лишь определяла более или менее высокие темпы роста.

Объективной материальной основой промышленного подъема периода капиталистической стабилизации 20-х гг. было значительное обновление основного капитала, был технический прогресс, значительное повышение технологического уровня экономики. Следовательно, стабилизация 20-х гг. не была результатом каких-либо случайных, исключительных факторов. Она стала закономерным процессом прогрессивного развития капиталистической экономики на базе крупных технологических сдвигов, очередным этапом этого развития.

В истории капиталистического способа производства с конца XVIII в. до настоящего времени современная экономическая наука прослеживает четыре основных этапа этого прогрессивного развития капиталистической экономики.

Первый этап - это этап промышленной революции конца XVIII - первой половины XIX в. Особенно бурно она проходила в Англии, но начальные фазы промышленной революции прошли в первые десятилетия XIX в. и в основных странах Западной Европы и в США. Именно в этот период был совершен первый технологический переворот, важнейшими проявлениями которого были растущее применение паровой энергии, бурное развитие текстильной промышленности, начальная стадия развития черной металлургии и машиностроения.

Второй этап стал этапом продолжавшейся индустриализации, завершения промышленной революции в основных странах капитализма и соответственно перехода от традиционного общества к индустриальному обществу. Этот этап охватывал вторую половину XIX в. Именно тогда был совершен второй технологический переворот, который характеризовался бурным развитием сталелитейной промышленности в результате изобретения и внедрения бессемеровского и мартеновского процессов производства стали, массовым железнодорожным строительством, быстрым ростом нефтедобычи и началом промышленного применения нефти.

Третий этап, охватывавший первую половину XX в., представлял собой период бурного развития индустриального общества. На базе развернувшейся в начале XX в. революции в естественных науках обозначился новый, третий, технологический переворот, который проявился во внедрении электричества как нового вида энергии, в изобретении и внедрении двигателя внутреннего сгорания и автомобиля, в возникновении и разви-

тии химической промышленности, особенно в производстве синтетических материалов.

Наконец, во второй половине XX в. произошел новый крупнейший технологический переворот. Развернулась современная научно-техническая революция, важнейшими проявлениями которой стали быстрое развитие ядерной энергии и растущая компьютеризация производства. Это открыло очередной, четвертый этап прогрессирующего развития производительных сил современного общества.

Следовательно, в течение 200 лет, со времени становления системы индустриального капитализма, шел и продолжает идти процесс периодического технологического обновления производства как материальной основы прогрессивного развития капиталистической экономики.

Эта схема может быть сопоставлена с так называемой теорией “длинных волн в экономике”, или “больших циклов экономической конъюнктуры”, создателями которой были выдающийся русский ученый Н. Д. Кондратьев и австрийский экономист Йозеф Шумпетер. Профессор Кондратьев выступил с этой теорией как раз в 20-е гг. В 1926 г. в Москве, в Институте экономики Российской академии научных исследований в области общественных наук, состоялась большая теоретическая дискуссия по докладу Н. Д. Кондратьева о больших циклах конъюнктуры. Но в тот период теория профессора Кондратьева была встречена в нашей стране в штыки, так как и в глазах ученых-марксистов, и особенно в представлениях политического руководства СССР она выглядела как теория, подводящая твердую научную основу под вывод о возможности и закономерности дальнейшего поступательного развития капиталистической экономики, что вступало в противоречие с усиленно насаждавшимися в 20-е гг. представлениями об углубляющемся упадке капитализма. Это предопределило последующую трагическую судьбу Н. Д. Кондратьева, погибшего в ходе массовых сталинских репрессий 30-х гг.

В чем суть теории Н. Д. Кондратьева?

“Длинные волны”, или “большие циклы конъюнктуры”, - это длительные циклические колебания экономики, каждое из которых охватывает примерно по 50 - 60 лет. Каждый из “больших циклов” состоит из двух фаз - повышательной, для которой характерны высокие темпы промышленного развития и некоторое ослабление циклических кризисов перепроизводства, и понижательной, отличающейся низкими темпами развития промышленности и углублением кризисов перепроизводства. Внутреннее развитие каждого большого цикла конъюнктуры идет, по несколько упрощенной схеме, следующим образом. Перед началом каждой повышательной фазы происходят новые крупные технические и технологические изобретения, которые внедряются в производство. На этой основе с началом повышательной фазы идет быстрое экономическое развитие в результате достижения нового, более высокого технологического уровня промышленности. Постепенно заданный импульс ослабляется, а затем и

исчезает, происходит снижение темпов роста промышленного производства. Это создает импульс к новым техническим изобретениям и технологическим усовершенствованиям и начинается новый большой цикл.

Вплоть до середины 80-х гг. всякие попытки упоминания имени Н. Д. Кондратьева и применения его теории "больших циклов" (или, как часто говорилось, "длинных волн Кондратьева") в нашей стране были невозможны, и только в последнее десятилетие в России появились статьи и книги, посвященные этим проблемам.

В настоящее время и в России и за рубежом идет настоящее возрождение и развитие теории Кондратьева. Сейчас выделяются следующие четыре больших цикла в истории промышленного развития капиталистических стран и примерные хронологические рамки повышательных и понижательных фаз каждой из "длинных волн" (в разных исследованиях эти хронологические рамки могут довольно существенно отличаться между собой).

Первый большой цикл охватывает период 90-х гг. XVIII в. - 40-х гг. XIX в. Примерные рамки двух фаз: 1789-1815 гг.; 1815-1848 гг.

Второй большой цикл конъюнктуры начинается в конце 40-х гг. XIX в. и продолжается до 90-х гг. того же столетия. Хронологические рамки двух фаз могут быть ограничены 1848-1873 и 1873-1896 гг.

Третий большой цикл занимает период с 90-х гг. XIX до 40-х гг. XX в. Примерные рамки двух фаз таковы: 1897-1929 и 1929-1950 гг.

Наконец, четвертый большой цикл охватывает вторую половину XX в. Повышательная фаза занимает период с начала 50-х гг. до середины 70-х гг., и затем до начала 90-х гг. за ней следует понижательная фаза.

Из этой общей, весьма приблизительной схемы мы видим, что период капиталистической стабилизации 20-х гг. был завершающим этапом повышательной фазы третьего большого цикла экономической конъюнктуры. Он и стал наиболее мобильным этапом экономического развития на базе внедрения крупных технических и технологических усовершенствований конца XIX - начала XX вв.

Не случайно на этой новой технологической базе в период стабилизации 20-х гг. проходило необычайно быстрое развитие новых отраслей промышленности. Наиболее ярким примером этого стало бурное развитие автомобильной промышленности в Соединенных Штатах, наиболее передовой и мощной в экономическом отношении державы мира.

Начало развития автомобильной промышленности в США относится к концу XIX - началу XX в. Уже в 1913 г. ежегодное производство автомобилей составило там около 500 тыс. В 1921 г. оно достигло 1,6 млн. Но только в 20-х гг. начался гигантский рост американской автомобильной промышленности. В 1929 г. в Соединенных Штатах было выпущено 5,5 млн автомобилей. К концу 20-х гг. в эксплуатации в США находилось уже 27 млн автомобилей, из них 23 млн легковых. Соединенные Штаты в тот период обладали настоящей монополией в производстве и эксплуатации

автомобилей. В крупнейших отраслях Западной Европы развитие автомобильной промышленности только начиналось. Общее число автомобилей, эксплуатируемых во всех странах мира, составляло в 1929 г. около 30 млн. Значит, доля США составляла тогда 90%.

Уже в 20-х гг. автомобиль получил в Соединенных Штатах широкое распространение: в 1929 г. на каждые 1000 жителей США приходилось 189 автомобилей. Это в значительной степени было результатом удешевления производства и снижения стоимости автомобиля. В конце 20-х гг. новый автомобиль можно было приобрести примерно за 600 дол., подержанный - за 300 дол., и старый - даже чуть менее чем за 100 дол. При среднемесячной заработной плате американских рабочих в 140-150 дол., да еще при широко распространенной тогда в США системе продаж в рассрочку, автомобиль становился доступным даже рабочим высокой квалификации. Поэтому автомобиль стал поистине символом американской жизни в период стабилизации 20-х гг. Не случайно этот период вошел в историю США как годы процветания, процветания.

Развитие американской автомобильной промышленности было связано в первую очередь с именем Генри Форда, талантливого конструктора и организатора промышленности, ставшего владельцем крупнейшей тогда автомобильной фирмы.

Форд начал серийный выпуск своей первой знаменитой модели - модели "Т" - еще в 1907 г., которая под именем "форда" распространилась в 20-е гг. не только в США, но и во многих других странах мира. За 20 лет на фордовских заводах было выпущено 15 млн автомобилей этой марки. С 1927 г. Форд начал выпуск новой, более комфортабельной модели - модели "А".

В 20-е гг. к фирме Форда в автомобильной промышленности США прибавились еще две крупные фирмы - "General Motors" и "Крайслер". Эта "большая тройка" автомобильных фирм давала в конце 20-х гг. 83% всего выпуска автомобилей в США.

Резкое увеличение продукции автомобильной промышленности в 20-е гг. было достигнуто за счет процесса рационализации производства. Он включал в себя, во-первых, механизацию производства, его техническое переоборудование; во-вторых, рост энерговооруженности производства, его переход на электроэнергию; наконец, в-третьих, внедрение процесса стандартизации, т. е. массовое изготовление типовых деталей и их последующую скоростную сборку на конвейерных линиях.

Впервые эти методы были применены на автомобильных заводах Форда. За счет роста производительности и интенсивности труда рабочих на этих предприятиях уже в 20-х гг. был достигнут рост выработки каждого рабочего не менее чем на 40%.

Быстрый рост производства был характерен в 20-е гг. и для других новых, технически хорошо оснащенных отраслей промышленности - электротехнической, химической (особенно на первых же этапах развития

производства синтетических материалов). Бурными темпами прогресса отличалось также развитие радио, кино и авиации.

Быстрое развитие этих новых отраслей производства было характерно для всех крупных стран капиталистического мира. Так, например, мировое производство алюминия увеличилось за пятилетие 1924-1928 гг. в 3,5 раза, а производство искусственного шелка – даже в 7,5 раза. Следовательно, экономическая стабилизация 20-х гг. в той или иной степени была характерна для всех стран. Она отнюдь не была случайностью, простым стечением благоприятных обстоятельств. Напротив, она явилась закономерным процессом прогрессивного развития экономики, материальной основой которого был очередной этап повышения технологического уровня капиталистической экономики.

* * *

Вторая характерная черта периода капиталистической стабилизации 20-х годов проявилась в новом сильном увеличении концентрации и централизации производства и капитала и на этой основе в громадном усилении мощи корпораций.

Наибольшими масштабами концентрации производства уже тогда отличались Соединенные Штаты. В 1929 г. на долю крупнейших американских производственных объединений с годовой продукцией свыше 1 млн дол. приходилось 58% общего числа занятых рабочих и около 70% продукции обрабатывающей промышленности США. Страны Западной Европы, и прежде всего основные конкуренты США - Англия и Германия, уступали Соединенным Штатам по степени концентрации промышленного производства, но значительно превосходили их по масштабам концентрации банковского капитала. Это объяснялось особенностью исторического развития в США, где на протяжении всего XIX в. существовала сильная оппозиция централизации банковской системы. Поэтому и в XX в. она оставалась гораздо более раздробленной, чем в основных странах Западной Европы. Так, в крупнейших американских банках с капиталом свыше 5 млн дол. было сосредоточено в 1929 г. 43% всех банковских вкладов страны, тогда как в Англии с ее централизованной банковской системой такие банки концентрировали 95% всех вкладов. В пяти самых крупных берлинских банках было сосредоточено в конце 20-х гг. 2/3 всех банковских вкладов Германии, а в пяти самых крупных лондонских банках - даже 3/4 всех банковских вкладов Англии.

Концентрация и централизация промышленного и банковского капитала влекли за собой ускорение процесса слияния промышленных и банковских корпораций и дальнейший рост мощи финансового капитала. Сила и могущество крупнейших корпораций в период стабилизации 20-х гг. резко возросли.

Особенно характерно это было опять-таки для Соединенных Штатов. Так, к концу 20-х гг. в США насчитывались 23 крупнейшие промышленные, железнодорожные и финансовые корпорации с активами более 1 млрд дол. каждая. Среди них выделялись такие гиганты корпоративного бизнеса, как моргановская "United States Steel Corporation", рокфеллеровская "Standard Oil Company" и автомобильный концерн "General Motors". Каждая из этих трех гигантских корпораций в 1929 г. получила более чем по 100 млн дол. чистой прибыли.

В целом по стране всего лишь 0,05% общего числа корпораций сосредоточили в конце 20-х гг. 49% всего капитала американских корпораций и получили 43% общей суммы их дохода.

Но и в основных странах Западной Европы шел аналогичный процесс быстрого роста мощи корпоративного капитала. Как раз на период стабилизации 20-х гг. пришелся процесс возникновения ряда гигантских корпораций и в странах Европы. Так, например, в Германии в 1925 г. возник мощный химический концерн "I. G. Farbenindustrie", а в 1926 г. - другой монополистический гигант - Стальной трест, который уже через несколько лет давал около половины общегерманской продукции чугуна и стали.

В Англии в 1926 г. был основан Имперский химический трест, а в 1929 г. - крупнейший в мире концерн по производству и продаже продовольственных товаров "Unilever", распространивший свои операции не только в странах Западной Европы, но и в других районах земного шара.

Все это говорило о том, что могущество корпоративного капитала в 20-е гг. многократно возросло.

В период стабилизации 20-х гг. были восстановлены многие распавшиеся в годы первой мировой войны международные картельные соглашения. В этих новых соглашениях как формах экономического раздела мира между союзами монополистов разных стран фиксировалось новое соотношение сил между корпоративным бизнесом основных стран мира. Так, новый раздел мирового электрического рынка между американской "General Electric" и германской "Всеобщей компанией электричества" отразил существенное увеличение могущества американских корпораций за счет ослабления их германских конкурентов. Так же проходило восстановление или создание вновь других международных картельных соглашений. В 20-х гг. возникли международный рельсовый картель, стальной картель, цинковый синдикат, свинцовый пул, картель искусственного шелка и другие международные картельные соглашения.

Рост могущества крупного корпоративного бизнеса создал гораздо более благоприятные условия для бесконтрольных действий корпораций, для возвращения верхам корпоративного бизнеса ослабевшей в первые послевоенные годы уверенности в мощи монополий, в их способности самостоятельно, без вмешательства со стороны государства контролировать социально-экономическую и политическую жизнь общества.

В этом же направлении действовала третья характерная черта периода стабилизации 20-х гг. - происшедшее тогда ослабление социальных противоречий и классовой борьбы, восстановление относительной социальной стабильности буржуазного общества.

В условиях промышленного подъема и преодоления инфляции в 1924-1929 гг. произошло некоторое повышение жизненного уровня населения. Хотя реальная заработная плата лиц наемного труда и доходы средних слоев в лучшем случае вернулись к довоенному уровню и лишь в некоторых странах, находившихся в особо благоприятном положении (США, Скандинавские страны), в большей или меньшей степени превышали его, улучшение условий жизни широких масс населения по сравнению с периодом войны и послевоенных хозяйственных трудностей укрепляло социальную стабильность общества и ослабляло классовую борьбу.

Это было особенно характерно для Соединенных Штатов. В середине 20-х гг. там произошло резкое ослабление стачечного движения. Новая ситуация была явным контрастом с первыми послевоенными годами. В 1919 г. в США был достигнут максимум в развитии стачечного движения, когда число участников забастовок достигло 4160 тыс. Это было больше, чем когда-либо ранее в истории страны. Вплоть до 1922 г. число забастовщиков продолжало оставаться очень высоким (1-1,5 млн в год). В 1923 г. началось ослабление стачечного движения, которое продолжалось до конца 20-х гг. В 1929 г. число участников забастовок упало до 289 тыс. В целом же если за первое послевоенное пятилетие 1918-1923 гг. в Соединенных Штатах бастовало около 10 млн человек, то в течение следующего пятилетия 1924-1929 гг. число стачечников уменьшилось до 2,3 млн человек, т. е. более чем вчетверо.

Изменился и характер стачечного движения: его участники ограничивались лишь чисто экономическими требованиями и не выдвигали политических лозунгов, не говоря уже о характерных для первых послевоенных лет требованиях национализации.

В середине 20-х гг. практически прекратилось и массовое демократическое движение за ограничение господства монополий, за независимые политические действия, а то и за полный разрыв с традиционной для США двухпартийной системой республиканцев и демократов и за создание самостоятельной политической партии трудящихся. Это движение, в ходе которого уже в первые послевоенные годы в различных штатах возникло несколько самостоятельных фермерско-рабочих партий и других радикальных политических организаций, достигло наибольшего размаха в 1924 г., когда на президентских выборах в противовес двум официальным кандидатам буржуазных партий была выдвинута независимая кандидатура сенатора Роберта Лафоллета, выступившего с прогрессивной антимонополистической программой. Однако в обстановке сильного промыш-

ленного подъема и массовой кампании официальной пропаганды о наступлении “нескончаемого американского процветания” кандидат прогрессивных сил потерпел поражение, хотя и собрал на выборах почти 5 млн голосов избирателей. Это открыло длительный период резкого ослабления демократического движения в Соединенных Штатах.

Та же картина ослабления массового народного движения была характерна в период стабилизации 20-х гг. и для других стран развитого индустриального общества. Среднегодовое число стачечников в 10 высокоразвитых странах мира (США, Англия, Франция, Германия, Италия, Бельгия, Голландия, Австрия, Швеция и Канада) становилось с каждым годом все меньше. Так, если в 1919-1922 гг. оно составляло в среднем за год 7,8 млн, то в 1923-1926 гг. оно уменьшилось до 2,9 млн, а в 1927-1929 гг. упало до 1,1 млн. Как и в Соединенных Штатах, в странах Западной Европы произошло изменение характера стачечного движения: оно приобрело чисто экономический, а не политический характер.

Правда, в отличие от США в странах Западной Европы не произошло столь резкого ослабления общедемократических массовых народных движений. Лозунги ограничения господства монополий и расширения социальных завоеваний народа по-прежнему пользовались большой популярностью даже в передовых европейских странах парламентской демократии. Особенно активно они отстаивались в тот период в Англии, где в 1924 г. было создано первое в истории страны лейбористское правительство, а в 1926 г. развернулась знаменитая всеобщая забастовка. Но эти лозунги были весьма популярны и в других странах Европы, например во Франции, где в 1924 г. было сформировано правительство так называемого “левого блока”, активно поддержанное социалистической партией. В 20-х гг. произошли и первые активные антифашистские выступления, прежде всего в Италии, где уже одержал к тому времени победу фашизм. Борьба за демократию была в центре внимания и во многих странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Но все же по сравнению с первыми послевоенными годами размах рабочего и общедемократического народного движения в период стабилизации 20-х гг. в большинстве стран Западной Европы, за исключением, пожалуй, лишь Англии, где, как мы увидим в следующей лекции, создавалась особая, отличная от других крупных стран обстановка, значительно уменьшился. В ходе движения гораздо реже выдвигались лозунги кардинального переустройства общества.

Резкое ослабление сопротивления народных масс политике буржуазных партий укрепило уверенность верхов корпоративного капитала в своих силах, в способности самостоятельно, без чьего-либо контроля, решать экономические и социально-политические проблемы.

* * *

Промышленный подъем, громадное укрепление могущества корпоративного капитала, стабилизация в социальной области, ослабление массового народного движения - все это обусловило четвертую характерную черту периода стабилизации 20-х гг. - резкое ослабление государственного регулирования экономики и социальных отношений, усиление оппозиции корпоративного бизнеса любым формам государственного вмешательства в его дела. Созданный в годы первой мировой войны разветвленный аппарат военно-государственного регулирования был в основном демонтирован. Экономические тенденции во всех странах ослабли.

Опять-таки больше всего это было характерно для Соединенных Штатов, где позиции корпоративного капитала были особенно сильны. И в этом отношении ситуация 20-х гг. была резким контрастом по сравнению с первыми послевоенными годами. Известно, что первые проявления государственного регулирования в США обозначились еще в начале XX в., в годы так называемой прогрессивной эры, когда правительства республиканца Теодора Рузвельта, а затем демократа Вудро Вильсона провели ряд важнейших либеральных реформ.

Президент Вильсон настойчиво предлагал продолжить этот либерально-реформистский курс и в напряженной политической обстановке первых послевоенных лет, когда в Соединенных Штатах развернулось сильное рабочее и общенародное демократическое движение, выдвинувшее широкую программу национализации основных отраслей экономики. В декабре 1919 г. в послании конгрессу Вильсон заявил: "Крупные потрясения в мире заставляют нас добиваться скорейшего устойчивого урегулирования отношений между трудом и капиталом... Для этого надо признать фундаментальные права, за которые давно уже борются рабочие".

Президент имел в виду права рабочих на организацию и на коллективный договор, право на забастовку, расширение трудового законодательства. Только тогда, заключил Вильсон, можно будет установить сотрудничество классов и добиться того, чтобы "труд и капитал стали не антагонистами, а равноправными партнерами".

Однако новое усиление корпоративного капитала США в результате первой мировой войны, рост его уверенности в собственных силах помешали осуществлению этого курса. Послевоенная либерально-реформистская программа Вильсона была отвергнута.

Когда же на выборах 1920 г. к власти пришла республиканская партия, либерально-реформистский курс был полностью отброшен и в основу правительственной политики была положена традиционная для XIX в. идеология "твердого индивидуализма". В результате экономические и социальные функции американского государства, которые были весьма скромными даже в годы "прогрессивной эры", были теперь сведены к минимуму. Об этом откровенно говорилось в официальных заявлениях президентов-республиканцев Уоррена Гардинга и особенно его преемника

Кальвина Кулиджа, который занимал президентский пост в 1923-1929 гг., т. е. как раз в период стабилизации.

Наиболее четко и последовательно идеология “твердого индивидуализма” была изложена Кулиджем в его послании конгрессу в декабре 1926 г. Там говорилось: “Сущность нашей системы правления состоит в том, что она базируется на принципах свободы и независимости индивидуума. В своих действиях каждый из них зависит только от самого себя. Поэтому они не должны быть лишены плодов своей предприимчивости. То, что накоплено их личными усилиями, не должно стать источником государственной расточительности”.

Президент Кулидж, министр финансов Эндрю Меллон, глава одного из крупнейших американских корпоративных объединений и другие представители так называемой “старой гвардии” республиканцев защищали фактически курс на возврат к наиболее реакционной форме индивидуалистической идеологии – социал-дарвинизму с его принципами “борьбы за существование” и “выживание наиболее приспособленных”, или, как часто говорилось, принципом “каждый сам за себя и к черту несудачника”. Это означало отрицание какого бы то ни было вмешательства государства в жизнь общества. Президент Кулидж так изобразил идеальную, по его мнению, структуру общественной жизни: “Если федеральное правительство исчезнет, то простые люди в течение очень длительного времени не заметят решительно никаких изменений в своих повседневных делах”.

Цель государственной политики, по мнению представителей республиканской “старой гвардии”, состояла в том, чтобы полностью отказаться не только от регулирования, но и от вмешательства в дела бизнеса. Задача государства, утверждалось ими, - создать максимально благоприятные условия для бесконтрольного хозяйничанья бизнеса. В соответствии с этим систематически проводился курс на максимальное сокращение налогов на крупные доходы и на корпорации, а также на резкое снижение уровня государственных расходов.

Однако даже в Соединенных Штатах многие идеологи и практики корпоративного капитала не могли не учитывать опыт первой мировой войны и первых послевоенных лет. Курс на безграничный индивидуализм отвергался более передовыми, реалистически мыслящими кругами корпоративного бизнеса. Это, разумеется, не было случайностью. Массовое внедрение новой, передовой техники, более высокий технологический уровень производства настоятельно требовали новых организационных форм предпринимательских объединений, а резкое обострение международной конкуренции в условиях стабилизации поставило их перед необходимостью систематических усилий по снижению себестоимости производства. На решение этих задач и были направлены усилия влиятельных кругов крупного бизнеса. Прежде всего, они содействовали повышению степени организованности корпоративного капитала. При активном содействии организаций промышленников и финансистов в 20-х гг. создавались так

называемые отраслевые ассоциации бизнеса, которые централизованным путем собирали и распространяли информацию о наличном уровне цен, о методах снижения издержек производства, об эффективных способах транспортировки и сбыта, о способах получения дешевого кредита и других интересующих бизнес проблемах.

Усиленно внедрялись в 20-х гг. и новые методы организации производственного процесса на промышленных предприятиях, рассчитанные на снижение себестоимости производства и увеличение его прибыльности. Важную роль в этом отношении играли различные методы максимального повышения интенсивности труда рабочих, особенно усиленное внедрение системы, предложенной еще в конце XIX в. американским инженером Фредериком Тейлором. Система тейлоризма была основана на детальном хронометрировании всех производственных операций наиболее искусных и выносливых рабочих и последующем распространении этих норм на всех рабочих, занятых этими операциями. Дальнейшее свое развитие методы интенсификации труда рабочих получили в США в 20-е гг. в массовом поточно-конвейерном производстве.

Однако многие идеологи и практики корпоративного бизнеса США хорошо помнили грандиозные стачки первых послевоенных лет и выдвигавшиеся тогда рабочими требования, ставившие под угрозу основы существующего строя. Поэтому наряду с методами, рассчитанными на усиление степени эксплуатации рабочих, в период капиталистической стабилизации 20-х гг. началось распространение различных форм частно-предпринимательской благотворительности с целью поддержания социальной стабильности общества. Усиленно пропагандировались тогда идеи "социальной ответственности бизнеса". Утверждалось, что сам бизнес может эффективно решать все социальные проблемы, а главное, сделать рабочих "равноправными партнерами" предпринимателей. С этой целью в 20-е гг. началось распределение акций промышленных предприятий среди рабочих, создание частных пенсионных фондов, а также создание в противовес профессиональным союзам рабочих так называемых компанийских союзов как органов классового сотрудничества.

Эта новая, более современная система трудовых отношений получила название системы "индустриальной демократии". Важнейшей целью этого нового курса более передовых групп корпоративной буржуазии было противопоставить государственному регулированию, установлению твердых законодательных норм социальных отношений систему саморегулирования бизнеса. В то же время эта система была и альтернативой безграничному индивидуализму - социал-дарвинизму.

Виднейшим представителем этой более современной тенденции в правительстве Кулиджа стал министр торговли Герберт Гувер, в 1928 г. избранный очередным президентом США. Основное направление гуверовского курса определила идея так называемого "регулируемого индивидуализма". Утверждалось, что в Соединенных Штатах происходит реши-

тельная экономическая трансформация, суть которой - переход "от крайнего индивидуализма к ассоциативным действиям". Путем выработки "кодексов этики и практики бизнеса", посредством создания ассоциаций промышленников, организаций банкиров, торговых палат, фермерских кооперативов, разнообразных профессиональных организаций рабочих должно было под эгидой государства как некоего верховного арбитра осуществляться саморегулирование бизнеса и насаждаться дух его "коллективной ответственности".

В странах Западной Европы в период стабилизации 20-х гг. не произошло такого решительного отхода от государственного регулирования, как в США. Это во многом объяснялось тем, что в первые послевоенные годы степень обострения социальных противоречий и классовой борьбы в Западной Европе была значительно больше, чем в Соединенных Штатах.

Тем не менее и в странах Западной Европы в 20-е гг. на первый план выдвигались не идеи государственного регулирования, а идеи саморегулирования корпоративного капитала. Чаще всего они принимали форму сотрудничества крупных корпораций и профсоюзов с целью проведения рационализации производства в интересах увеличения его прибыльности и в то же время с учетом ряда социальных прав рабочих.

Наиболее ярким примером такого рода стало создание в 1928 г. в Англии комитета для содействия реорганизации промышленности и для регулирования отношений предпринимателей и рабочих между руководством Британского конгресса тред-юнионов и группой представителей крупного корпоративного капитала во главе с одним из руководителей химического концерна Альфредом Мондом. Так возник мондизм как одна из форм саморегулирования корпоративного капитала в сотрудничестве с лидерами профсоюзного движения, как одно из конкретных проявлений идеологии и практики "индустриальной демократии".

В не меньшей степени эти более современные методы трудовых отношений были характерны тогда и для Германии, где наличие наряду с профсоюзами еще и разветвленной системы производственных советов, или фабзавкомов, создавало для рабочих более благоприятные возможности для отстаивания своих позиций при заключении соглашений с корпоративными объединениями. Методы "индустриальной демократии" получили в 20-е гг. широкое распространение также в Скандинавских странах и некоторых других государствах Западной Европы.

Но наряду с этим, в отличие от Соединенных Штатов, в Западной Европе в период стабилизации 20-х гг. сохранилось также и экономическое и социальное регулирование государства. Более того, в Германии и Англии это регулирование в некоторых отраслях экономики принимало не только формы косвенного бюджетного и кредитно-финансового регулирования, как это было в других европейских странах, но и формы государственного предпринимательства. Сохранилось и социальное государственное регулирование. Если в Соединенных Штатах в 20-е гг. практически отсутство-

вала система общегосударственной социальной защиты населения, то в Англии и Германии она уже тогда была достаточно развита. Важные реформы в социальной области были проведены к тому времени также во Франции, Бельгии, Швеции, Австрии и Чехословакии.

Таким образом, на основе резкого укрепления позиций корпоративного капитала в период стабилизации 20-х гг. произошло значительное, а то и очень сильное ослабление государственного регулирования. Это, разумеется, не означало возврата к безграничному индивидуализму XIX в. Напротив, росла организованность крупного капитала, внедрялись различные формы саморегулирования корпоративного бизнеса, начала распространяться практика "социального партнерства" предпринимателей и рабочих. Следовательно, усиливались коллективистские тенденции в развитии бизнеса. Это было характерно даже для Соединенных Штатов, где государственное регулирование в 20-х гг. было практически отброшено. Что же касается основных стран Западной Европы, то для них было тогда свойственно сочетание корпоративного регулирования с сохранением более или менее развитых экономических и социальных функций государства. Все это означало, что в период капиталистической стабилизации 20-х гг. более или менее четко проявилась общая тенденция к созданию более организованной формы капитализма.

* * *

На базе укрепления социальной стабильности буржуазного общества, снижения уровня социальной напряженности и классовой борьбы, а также на основе роста организованности в развитии капитализма в период стабилизации 20-х гг. определилась пятая характерная черта этого этапа - усиление реформистских тенденций в рабочем движении, рост влияния социал-демократии.

В прошлых лекциях мы уже говорили о восстановлении международных социалистических организаций после окончания первой мировой войны, о воссоздании в 1920 г. II Интернационала, о формировании в 1921 г. Венского Интернационала, о попытках центристских лидеров "Двухсполовинного" Интернационала восстановить единство международного рабочего движения, о переговорах двух Интернационалов с Коминтерном по вопросу о единстве действий рабочего класса в борьбе против наступления капитала, за укрепление и расширение демократии. Эти попытки, достигшие определенного успеха во время совещания представителей трех Интернационалов в Берлине в апреле 1922 г., в конечном счете кончились неудачей. И это было вполне закономерным, ибо в идейном отношении между двумя международными социалистическими организациями и Коминтерном лежала пропасть, и Венский Интернационал был, конечно, намного ближе по своим взглядам к II Интернационалу, чем к Коминтерну. Это и обусловило объединение II и

“Двухсполовинного” Интернационалов в Рабочий социалистический Интернационал, которое произошло в мае 1923 г. на конгрессе в Гамбурге.

В рядах Рабочего социалистического Интернационала объединились социалистические и социал-демократические партии Западной Европы и Северной Америки, общая численность которых в 20-х гг. доходила до 6,5 млн человек. На выборах тех лет кандидаты этих партий собирали в общей сложности 25 млн голосов. Социал-демократы получали тогда на выборах более 40% голосов избирателей в Австрии и Швеции, более 30% голосов в Англии, Германии, Бельгии и Дании, более 20% голосов в Голландии, Франции и Финляндии.

В 20-х гг. партии РСИ по-прежнему заявляли о своей приверженности лозунгу социалистической трансформации капиталистического общества. Путь к социализму они, как и ранее, изображали как плавный эволюционный процесс, как постепенное мирное преобразование капиталистического общества в социалистическое, как естественное следствие процесса поступательного развития и расцвета капиталистической экономики. Период стабилизации 20-х гг., по мнению партий РСИ, как раз и был началом и воплощением этого эволюционного процесса. Утверждалось, что в этот период капитализм вступил в новую фазу своего развития, в фазу организованного капитализма. Промышленный подъем и технико-организационная рационализация производства трактовались лидерами Рабочего социалистического Интернационала как преодоление капиталистических противоречий и наступление эпохи бескризисного развития капиталистической экономики. Рост концентрации и централизации капитала, усиление мощи корпоративного бизнеса, повышение его организованности, распространение практики социального партнерства в сочетании с государственным регулированием - все это, по оценке Р. Гильфердинга, одного из виднейших теоретиков РСИ, означало “замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерности производства”.

В соответствии с этими теоретическими принципами лидеры СДП рассматривали режим Веймарской буржуазно-демократической республики как форму трансформации капиталистического общества в социалистическое. Так же оценивался лейбористской партией парламентский строй Англии.

Каковы же были, по мнению партий РСИ, задачи рабочего класса в эпоху “организованного капитализма”?

Прежде всего, они заключались в развитии и дальнейшей демократизации парламентской системы, т. е. “в расширении политической демократии”. Средством для достижения этих целей считалось завоевание сильного парламентского представительства социал-демократических партий и создание вместе с буржуазно-демократическими партиями коалиционного правительства либо даже однородного социал-демократического правительства.

Правда, некоторые лидеры центристских партий РСИ делали оговорку. Для перехода к социализму, говорил, например, лидер французских социалистов Леон Блом, недостаточно лишь первого этапа - этапа "исполнения власти", проводимого еще в рамках буржуазного строя правительством с участием социал-демократов. Для этого необходим более отдаленный второй этап - этап "революционного завоевания власти". Однако на практике этот второй этап отодвигался в неопределенное будущее, а основные усилия социал-демократии направлялись почти исключительно на парламентскую борьбу как на "парламентский путь к социализму".

Далее, задачи рабочего класса в эпоху "организованного капитализма" заключались, согласно курсу лидеров РСИ, в борьбе за установление "хозяйственной, или индустриальной демократии", т. е. в перестройке экономики и социальных отношений капиталистического общества на демократических началах путем "равноправного делового сотрудничества" между рабочими и предпринимателями, а также с помощью социально-экономического законодательства демократического государства. Борьба за осуществление рационализации производства, внедрение практики социального партнерства рабочих и предпринимателей и проведение в этих целях позитивной организационно-хозяйственной деятельности профсоюзов и других рабочих организаций в сотрудничестве с объединениями корпоративного капитала для увеличения эффективности процесса производства должны были, по мнению лидеров РСИ, привести к коренному улучшению положения рабочего класса.

Теория "организованного капитализма", ориентация лидеров социал-демократии на мирный, эволюционный путь к социализму, их курс на "социальное партнерство" рабочих и предпринимателей с целью достижения "политической и хозяйственной демократии" в рамках буржуазного строя традиционно рассматривались в марксистской историографии как полный отказ социал-демократии от научного социализма, как ее измена истинным интересам рабочего класса, как вредный и совершенно бесперспективный курс, в самом лучшем случае представляющий собой абсолютно безопасное для его устоев "штопанье" буржуазного строя, несколько не меняющее его характера.

Между тем опыт эволюции капиталистического общества в последующие десятилетия XX в. показал, что такая чисто негативная оценка курса социал-демократии необъективна и неверна.

Конечно, практическое осуществление курса социал-демократии на развитие "политической и индустриальной демократии" отнюдь не вело к замене капитализма социализмом. Тем не менее проведение предлагавшихся социал-демократами важных демократических реформ в социально-экономической и политической сферах жизни общества, как показал опыт последующих десятилетий, сыграло важную позитивную роль, ибо это привело к внедрению в структуру капитализма таких элементов соци-

ального характера, которые выводят его за рамки традиционного капитализма и в какой-то мере отражают влияние социалистической идеи. Поэтому, как мы уже говорили во вводной лекции к этому курсу, современное постиндустриальное общество стран Запада отражает переход к новой, более высокой фазе общественного устройства, ко все большей социализации общественных отношений современного капитализма.

Поэтому в настоящее время необходимо дать более позитивную оценку эволюционного курса социал-демократии, который она проводила в период капиталистической стабилизации 20-х гг., ибо к тому времени были сделаны первые шаги в процессе превращения традиционного капитализма в государственно регулируемое и социально ориентированное общество. Курс социал-демократии на медленное эволюционное реформирование капиталистического общества сам по себе отнюдь не был поэтому бесполезным, не был неверным, ибо он вел к внедрению в структуру общества демократических принципов устройства политической и социальной жизни.

Слабость и ограниченность идейно-политического курса социал-демократии в 20-е гг. были в другом. Они заключались в принципиальном отказе от классовой борьбы, в ориентации лишь на классовое сотрудничество, лишь на парламентские методы борьбы и на методы социального партнерства, в отказе выйти за узкие рамки легальности и применить более решительные и массовые методы борьбы.

Без применения этих форм и методов борьбы, без опоры на массовые рабочее и общедемократическое народное движения осуществление программ, выдвигавшихся в 20-е гг. социал-демократией, было весьма проблематичным. Конечно, потребности развития самого капиталистического производства, осознание реалистически мыслящими идеологами и практиками корпоративной буржуазии необходимости проведения важных экономических и социальных реформ создавали более благоприятные возможности для их проведения. Но, как показал исторический опыт, для превращения этой возможности в реальную действительность, как правило, необходима активная борьба широких масс народа, необходимо массовое давление в пользу проведения демократических реформ.

* * *

Итак, капиталистическая стабилизация 20-х гг. была закономерным процессом поступательного развития производительных сил, результатом очередного этапа повышения технологического уровня капиталистического производства. Она была отнюдь не случайностью и тем более не проявлением упадка капитализма.

Значит ли это, что использование формулы “временная, частичная стабилизация капитализма” неправомерно? Значит ли это, что в 1924-1929

гг. не было слабых сторон стабилизации, не было проявлений ее непрочности?

Нет, не значит. Во всех странах капитализма в этот период в той или иной степени существовали важные проявления непрочности капиталистической стабилизации.

В чем же они состояли?

Во-первых, непрочность капиталистической стабилизации 20-х гг. проявлялась в чрезвычайно неравномерном развитии различных отраслей экономики. При быстром развитии новых, хорошо технически оснащенных отраслей промышленности наблюдался застой, а то и падение производства в старых, традиционных отраслях экономики. Так, например, добыча угля и потребление хлопка в основных странах капитализма за 1924-1929 гг. увеличилось всего лишь на 4%, а продукция судостроения сократилась на 30%. Сельское хозяйство, которое вместе с промышленностью вступило в 1920 г. в полосу кризиса перепроизводства, за весь период 20-х гг., в отличие от промышленности, так и не вышло из кризисного состояния.

Во-вторых, непрочность стабилизации проявилась в сильной недогрузке производственного аппарата и в сохранении массовой безработицы. Даже в наиболее благополучной экономической конъюнктуре конца 20-х гг. загрузка производственного аппарата даже в быстро растущих новых отраслях промышленности составляла не более 70-80%, а в традиционных отраслях опускалась до 50-60%. Число безработных в шести крупнейших странах мира (США, Англия, Франция, Германия, Италия и Япония) в 1929 г. составляло, по данным официальной правительственной статистики, 5,5 млн человек, а по данным профсоюзов, доходило до 10 млн.

В-третьих, и это еще более важно, непрочность капиталистической стабилизации 20-х гг. проявлялась в том, что платежеспособный спрос населения по-прежнему отставал от роста производства, что создавало материальную базу для нового кризиса перепроизводства. Следовательно, в период стабилизации отнюдь не было преодолено противоречие между экономической эффективностью капитализма и недостаточной социальной защищенностью населения, как это было в основных странах Западной Европы, и даже отсутствием социальной защиты, как это было в Соединенных Штатах.

Наконец, непрочность капиталистической стабилизации 20-х гг. проявлялась в том, что в условиях нараставшего перепроизводства инвестиции капиталистов шли очень часто не в переоборудование промышленности, а в сферу финансовых спекуляций, в игру на бирже, что порождало биржевой ажиотаж, неоправданно высокий курс котировки акций, а значит, создавало серьезную угрозу экономической стабильности.

Слабость социал-демократии состояла в том, что она недооценивала все эти проявления непрочности капиталистической стабилизации, без-

мерно восхваляла успехи и эффективность осуществления стабилизации и не вела борьбы за ликвидацию или, по крайней мере, ослабление ее неблагоприятных последствий.

В этом направлении немалую роль играла деятельность левых групп рабочего движения, и в первую очередь деятельность коммунистических партий, объединенных в Коммунистический Интернационал.

В период стабилизации 20-х гг. Коминтерн и его секции в странах развитого капитализма стремились энергично защищать повседневные интересы рабочего класса и других слоев трудящихся. Они резко осуждали проводимую социал-демократами политику классового сотрудничества с буржуазией. Они стремились вовлечь рабочих, шедших за социал-демократами, в активную борьбу за улучшение положения трудящихся, в борьбу против того, чтобы рационализация производства проводилась за счет рабочих, в том числе за счет роста безработицы, против попыток ограничения политических прав и свобод народа. Коммунисты не раз были организаторами крупных массовых выступлений трудящихся с этими лозунгами.

Однако успехи коммунистических партий в этом направлении часто сводились на нет тем, что общий стратегический и тактический курс международного коммунистического движения в 1924-1929 гг. был глубоко неверным, не отвечал объективной обстановке.

В прошлой лекции мы уже говорили о том, что в 1919 г. Коминтерн взял твердый стратегический курс на мировую пролетарскую революцию, что не соответствовало объективной обстановке даже в условиях глубокого политического кризиса первых послевоенных лет. Правда, в 1921-1922 гг. в политические установки Коммунистического Интернационала были внесены весьма серьезные изменения. На основе анализа объективной обстановки начала 20-х гг. коммунистические партии провозгласили своей главной задачей не непосредственную революционную борьбу за свержение власти буржуазии, а борьбу за промежуточные цели, за проведение частичных реформ, которые могли улучшить положение трудящихся. На этом пути предполагалось подготовить условия для последующего перехода к решению задач социалистической революции.

Новая ориентация международного коммунистического движения обусловила его переход к тактике единого рабочего фронта, к попыткам единых действий рабочего класса в борьбе за частичные реформы совместно с социал-демократией. Массовые рабочие демонстрации, проведенные в апреле-мае 1922 г. под лозунгами демократических реформ, были показателем правильности нового тактического курса Коммунистического Интернационала.

Однако единство действий коммунистов и социал-демократов оказалось непродолжительным. Они постоянно обвиняли друг друга в навязывании своей точки зрения, выступали с взаимными и зачастую очень

грубыми и далеко не всегда справедливыми обвинениями. Их общий политический курс был практически невозможен.

Правда, руководство Коминтерна и дальше продолжало попытки осуществления тактики единого рабочего фронта. В ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна был выдвинут лозунг рабочего правительства. Предусматривалась возможность создания в условиях глубокого политического кризиса рабочего правительства с участием социал-демократов и коммунистов. Лозунг рабочего правительства трактовался руководством Коминтерна как воплощение революционно-демократической диктатуры, как переходная ступень к установлению диктатуры пролетариата. Это были первые наметки новой ориентации международного коммунистического движения, которые получили дальнейшее развитие в середине 30-х гг., на новом этапе борьбы.

Однако в 20-х гг. этой переориентации международного коммунистического движения не произошло. Обстановка стабилизации требовала крупного стратегического поворота политики Коммунистического Интернационала. Но руководство Коминтерна предусматривало лишь изменение тактического курса. Официальный стратегический курс Коммунистического Интернационала оставался прежним и лишь формулировался более осторожно. Лидеры Коминтерна продолжали считать, что, несмотря на отлив революционной волны продолжается кризис, упадок мирового капитализма, что создает условия для возобновления революционной борьбы. Эта ориентация и продиктовала фактически необоснованный курс Коминтерна и Компартии Германии на пролетарскую революцию во время острого политического кризиса в Германии осенью 1923 г.

А с 1924 г. после смерти В. И. Ленина обозначился уже полный отход Коминтерна от политических установок 1921-1922 гг. На V конгрессе Коминтерна летом 1924 г. лозунг рабочего правительства трактовался уже не как промежуточный, переходный лозунг, а как "синоним диктатуры пролетариата", как перевод этого сложного термина на "простой рабочий язык".

Последствия этого курса оказались крайне неблагоприятными. Коммунисты стран развитого капитализма в годы стабилизации вели активную, подчас поистине героическую борьбу за демократические социальные и политические преобразования. Но усилия коммунистов сводились на нет тем, что руководство Коминтерна требовало от компартий обязательно связывать эту борьбу за частичные цели с задачами подготовки к социалистической революции. Это крайне неблагоприятно сказывалось на развитии стачечного движения, ибо линия коммунистов на обязательную связь повседневных и конечных задач рабочего движения, а то и на подчинение первых вторым отталкивала от компартий большинство рабочих.

Тактика единого рабочего фронта вновь, как и в 1919-1920 гг., стала толковаться исключительно как метод разоблачения социал-демократии, как средство высвобождения рабочего класса из-под ее влияния и завое-

вания его на сторону компартий. Единство действий с лидерами социал-демократии категорически исключалось. Апогеем этого курса стала провозглашенная Коминтерном в 1927 г. тактика "класс против класса", которая обязывала компартии вести непримиримую борьбу против социал-демократических партий как против обычных буржуазных партий. При этом основной удар предлагалось наносить по левым социал-демократам как "самой опасной фракции" социал-демократических партий, якобы больше всего мешающей переходу рабочих на сторону коммунистических партий. Широкое распространение в коммунистическом движении тех лет получили представления о социал-демократии как о "левом, умеренном крыле фашизма", как о "социал-фашизме". Этот сектантско-догматический курс получил программное оформление в 1928 г. на VI конгрессе Коминтерна. В принятой на этом конгрессе программе Коммунистического Интернационала было установлено, что в основу стратегического курса компартий стран высоко развитого капитализма должна быть положена непосредственная борьба за установление диктатуры пролетариата.

Последствия этого сектантского курса коммунистического движения в условиях стабилизации 20-х гг. были крайне неблагоприятными. Они изолировали компартии от масс рабочего класса. Но эти последствия стали поистине губительными в начале 30-х гг., когда в условиях глубочайшего экономического кризиса вновь развернулась острая классовая борьба, вплотную надвинулась угроза фашизма. Но об этом в следующих лекциях.